

20 НОЯ 1974

Горьковский рабочий

Литературный концерт

ВЕЧЕР С ШУКШИНЫМ

В откровенных беседах, возникавших само собой в вокзальной курилке между случайно сошедшимися здесь приезжими из районов, говорилось о многом, о разном. Но больше всего — о городском хамстве. «Но вот уж чего не понимали деревенские в городе — это хамства... Как наезжали на эту тему, мужики дружно галдели — не понимали, изумлялись...»

Слова эти автор рассказа «Выбираю деревню на житье» Василий Шукшин не передает никому из действующих лиц, а берет себе. Он за них как бы лично ответствен — в них, словах этих, одна из главных, животрепещущих тем его творчества.

Шукшинскую программу Александр Познанский начинает именно этим рассказом, конечно же, не случайно. Злопыхатель, грубиян, обидчик, которому ничего не стоит просто так, за здорово живешь, плюнуть в душу незнакомому человеку, обидеть, испортить настроение, «завести», — вот один из центральных объектов, стоявших перед глазами артиста, перед его судом, когда шла работа над рассказами Шукшина.

Вслед за автором чтец стремится проникнуть в трудно постижимую психологию недоброжелательства. И мы видим нарочито, издевательски спокойную, сочащуюся самодовольством и ощущением собственного превосходства над покупателями продавщицу из «Гастронома», не-

значай обозвавшую Сашку Еромолаева Исусиком и алкашом. Видим спешащего поддержать ее «пожилого в плаще» — озлобленного, взвинченного, готового — дай только повод! — обругать, облаять любого и каждого.

А. Познанский далек от того, чтобы ограничиться простым обличением, осуждением этого явления, — ему надо заглянуть в душу и этого «доброхота» из рассказа «Обида», и женщины из новеллы «Сапожки», угадывая за ее словами злобную зависть неудачницы, одиночки не к «шоферюге этому», что приценивается к шестидесятирублевым сапожкам, нет, а к той, кому эти сапожки предначинаются и кого она в глаза-то ни разу не видела.

Словом, каждый из шести рассказов, образующих программу полного — из двух отделений — концерта, является для артиста поводом к психологическому исследованию характеров и обстоятельств, невозможному без собственных жизненных замет и наблюдений. Но иной раз, когда в действие вступают персонажи второстепенные, эта первичность, самостоятельность жизненных видений артисту вдруг изменяет, уступая место расхожим, уже встречавшимся штрихам и краскам. Тогда появляется стилизованный, «крестьянский», говорок («Выбираю деревню на житье») или низковатый окающий басок («Верую») — служителя культа, кстати, и

у автора несколько реминисцентного, напоминающего горьковского Егора Булычова.

Надо сказать, что читать рассказы Шукшина трудно. Они густо населены, персонажи их требуют характеристик живых и лаконичных. Грустное и смешное переплетено в них тесно. Но едва ли не самое трудное в том, что в любом рассказе явственно присутствие самого автора — человека, сложного, неожиданного, доброго, но ни в коем случае не добренького, душевного и в то же время ершисто-колючего, моментально закипающего едва сдерживаемым гневом против того явления, с которым у него счеты давние.

Личность эта исполнителем ощущается, дыхание ее чувствуется, но ближе всего индивидуальности артиста ее лирическая сторона, ее задушевность. Не потому ли особенно проникновенно звучит в исполнении Познанского написанное в форме материнского монолога «Письмо».

Около двух часов переполненный концертный зал Горьковской филармонии, то затихая в тревожно-чуткой тишине, то взрываясь дружными раскатами смеха, сочувствуя и негодуя, живет коллизиями, чувствами, мыслями шукшинских рассказов, ощущая художественную многогранность, зоркую наблюдательность и богатство души их автора, прочувствованные и передаваемые артистом.

С. ФИХ.